

На правах рукописи

Сулейменов Андрей Русланович

**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ СОВРЕМЕННОГО
РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА**

Специальность 5.6.2 — Всеобщая история

Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Нижний Новгород, 2023

Работа выполнена на кафедре истории и политики России Института международных отношений и мировой истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный руководитель: Рыжов Игорь Валерьевич
доктор исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой истории и политики России ИМОМИ
ФГАОУ ВО «ННГУ им. Н.И.Лобачевского»

Официальные оппоненты: Долгов Борис Васильевич,
доктор исторических наук, ведущий научный
сотрудник Центра арабских и исламских
исследований Института востоковедения РАН
Баранов Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории ИИиМО ФГБОУ ВО «СГУ
им. Н.Г. Чернышевского»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный
университет»

Защита состоится «29» июня 2023 года в 15:00 на заседании диссертационного совета 99.2.042.02 на базе ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Ивановского государственного университета по адресу: 603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2, ауд. 320.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» и на сайте ННГУ: <https://diss.unn.ru/files/2023/1347/diss-Suleymenov-1347.pdf>

Автореферат разослан « » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Абидулин Алим Маратович

I. Общая характеристика работы

Движения и группы радикального исламизма традиционно являются объектом исследования для зарубежных и отечественных ученых. Тщательному анализу подвергаются различные аспекты политического ислама и радикального исламизма: изучаются доктринальные установки религиозно-политических партий, история возникновения и развития исламистских движений, взаимоотношения религиозных акторов и институтов светского государства. Однако из достаточно полно изученного перечня тем выпадают практики политического использования прошлого организациями радикального исламизма. Представленная диссертационная работа является попыткой заполнить данную лакуну в исторических исследованиях, обратившись к проблеме политики памяти радикальных религиозных организаций.

Актуальность темы диссертационного исследования заключается в следующем. Масштабные социо-политические трансформации, через которые прошли исламские сообщества в конце XX – нач. XXI вв., кардинально изменили как политические границы стран с мусульманским населением, так и отношение к исламу в целом. Революция в Иране, религиозный джихад в Афганистане, на Балканах и Северном Кавказе наряду с неудачей светской идеи арабского социализма и чередой унижительных поражений арабских государств в конфликтах с Израилем привели к невиданной популярности проекта религиозного государства. Ислам как путь внутреннего единства общества и интеграции мусульманских государств в единое ценностно-экономическое пространство стал вариантом реакции на политические и социальные неудачи модели светского государства. Реальность секуляризованного мира модерна не только не отбросила в прошлое религиозное мировоззрение, но и вызвала к жизни опирающееся на архаические традиции раннеисламского общества проекты построения социума на принципах религиозного фундаментализма. Идеи радикального

исламизма были приняты на вооружение рядом террористических организаций, как национального, так и международного характера.

Схожие в своей разрушительности процессы распада единого социокультурного пространства затронули и население бывшего СССР. Утрата социальных ориентиров, резкое падение уровня жизни и деформация единого экономического пространства привели к росту популярности различных форм ислама на территории бывшего СССР. В ходе конфликта на Северном Кавказе неконтролируемый переход к исламизму был пройден по мере реализации сепаратистского проекта, сами руководители которого на определенном этапе вооруженного противостояния утратили контроль за распространением идеологии радикального исламизма в среде сепаратистов.

Осуществляемые как на религиозной, так и на национальной платформе проекты общественного строительства активно эксплуатируют исторические нарративы, которые служат основой социокультурной идентичности сообщества. Среди акторов исторической политики в XXI в. оказались и различные организации радикального исламизма, обратившиеся к конструированию исторического нарратива как для легитимации существующего порядка, так и для оппонирования ему.

Объектом данного исследования является идеология современного радикального исламизма, рассмотренная на примере деятельности международной террористической организации (МТО) «Исламское государство» (ИГ)*, террористической организацией «Имарат Кавказ»* и движения «Таблиги Джамаат»*.

Предметом исследования выступают исторические нарративы и пространственно-временные представления, задействованные в дискурсах данных организаций (движений).

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

* Организация запрещена на территории Российской Федерации

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2014 по 2020 гг. Нижняя граница обусловлена провозглашением «Халифата» лидером «Исламского государства» Абу Бакром аль-Багдади в 2014 г. Воссоздание «Халифата» стало важнейшим событием для радикального исламизма, так как на короткое время ИГ воплотило в жизнь один из проектов преобразования общества по образцу «чистого» ислама. Масштабные военные успехи, а также активно освещавшееся пропагандистским аппаратом государственное строительство способствовали росту популярности экспансионистского направления радикального исламизма в 2014–2016 гг. Следует отметить, что в некоторых случаях мы вынуждены отступить от нижней границы, например, при анализе доктринальных противоречий между Аль-Каидой, послужившей фундаментом для многих современных организаций радикального исламизма, и возникшим на ее основе и затем вставшим в оппозицию «Исламским государством».

Определение верхней границы обусловлено следующими причинами. В 2019–2020 гг. произошло фактическое исчезновение «Исламского государства» как государственной структуры на территории Сирии. Оно редуцировалось до разрозненных партизанских отрядов и террористов-одиночек. Тем не менее, пропагандистские материалы ИГ продолжали публиковаться в Интернете, но их появление перестало носить массовый и организованный характер, как это было во время расцвета «Халифата». Также по состоянию на 2020 г. все три упомянутые нами организации («Исламское государство», «Имарат Кавказ», «Таблиги Джамаат») находились в примерно одинаковом состоянии. Они утратили или не обладали твердым контролем над территориями и были вынуждены либо перейти от попыток государственного строительства к подпольному существованию (ИГ, «Имарат Кавказ»), либо сосредоточиться на создании сети ячеек-групп единомышленников для продолжения своего существования (российский сегмент «Таблиги Джамаат»). Следует отметить, что кардинально различающиеся стратегии

данных акторов предполагают и разные перспективы их дальнейшей деятельности.

Целью представленной диссертационной работы является изучение структуры исторического нарратива современного радикального исламизма и выявление его компонентов и взаимоотношений между ними.

Реализация поставленной цели требует выполнения следующих **задач**:

1. Охарактеризовать организации «Исламское государство», «Имарат Кавказ» и «Таблиги Джамаат», определить их специфичные черты в сравнении с иными представителями радикального исламизма;
2. Выявить исторические события, которым в дискурсе радикального исламизма приписывается травматический характер;
3. Обозначить метафорические средства, присущие дискурсу радикального исламизма;
4. Выявить свойственные организациям радикального исламизма темпоральные и пространственные представления с учетом принадлежности исламистских проектов к «глобальному» или «локальному» измерению.

Источниковую базу диссертации составляют материалы пропаганды радикального исламизма, разделенные на несколько групп. Первую группу источников составили периодические издания МТО «Исламское государство» и материалы аффилированных с ним джихадистских групп. Данный корпус источников представлен следующими материалами:

1. Англоязычным журналом «Dabiq», 11 выпусков;
2. Англоязычным журналом «Rumiyah», 7 выпусков;
3. Русскоязычным журналом «Исток», 4 выпуска;
4. Русскоязычным журналом «Hidaya», 2 выпуска;
5. Одним выпуском русскоязычного журнала «Furat.Press»;
6. Многочисленными визуальными материалами «стихийной» джихадистской пропаганды, обнаруженных преимущественно на платформе мессенджера Telegram.

Периодические издания «Исламского государства», составляющие основу первой группы источников, распространяются в виде pdf-файлов в джихадистских интернет-группах или доступны к скачиванию на различных файлообменниках. Важность рассмотрения данных источников объясняется их декларативным характером и их ролью в качестве идейной основы наиболее радикального исламистского движения современности. Кроме того, материалы данной категории содержат важные в контексте данной работы ярко выраженные мировоззренческие установки джихадизма, а также, в имплицитной форме, сведения об организации пространства и временных представлениях современного радикального исламизма.

Вторая категория источников связана с организацией «Имарат Кавказ». Источники этой группы носят более локальный характер, в значительно меньшей степени уделяя внимание глобальным вопросам религии и мировоззрения. Данная источниковая группа преимущественно представлена материалами сайта «Кавказ.Центр», «Чечен.инфо» и некоторых иных связанных с данными сайтами ресурсов. Отметим, что национальная повестка в материалах данной группы безусловно превалирует над общеисламскими вопросами развития Уммы и глобального джихада. Несмотря на то, что провозглашение «Имарата Кавказ» в 2007 г. декларировало перетекание национально-сепаратистского северокавказского проекта в радикальное религиозное движение, национальный компонент (особенно в том, что касается культурной травмы Северного Кавказа), по-прежнему удерживает позиции в пропаганде северокавказских радикалов. Для анализа процессов сложения дискурса радикального исламизма на Северном Кавказе нами также привлекаются источники, связанные с самопровозглашенным сепаратистским образованием «Чеченская республика Ичкерия». К данной категории материалов относятся и поэтические тексты Т. Муцураева, Х. Бетелгиреева, И. Алимсултанова, тексты З. Яндарбиева и Х.-А. Нухаева.

В рамках осуществления экспертной деятельности нам также удалось проанализировать некоторые практики членов движения «Таблиги Джамаат».

Изучение миссионерских поездок (т.н. «сафары»), практикуемых сторонниками этого мистического направления ислама, дает ценный материал для анализа практик конструирования пространства воображения и вневходимости.

При анализе стратегий двух наиболее ярких представителей радикального исламизма – «Аль-Каиды» и «Исламского государства» в качестве источниковой базы привлекалась внутренняя переписка руководства «Аль-Каиды» и ее иракского отделения, будущего «Исламского государства».¹

Степень научной разработанности. Проблематика исламского радикализма в достаточно полной мере разработана как российскими, так и зарубежными учеными. Так, вопросы о месте религиозного компонента в политических процессах ближневосточного региона возникали еще в трудах конца XX в.: работах Л.Р. Полонской и А. Х. Вафа², Л.И. Медведко, А. Германовича³, Е. М. Кожокина и В. И. Максименко⁴, З.И. Левина⁵, а также множества иных исследователей⁶. В достаточно полной мере разработана

¹ Zawahiri's Letter to Zarqawi [Электронный ресурс] // Combating Terrorism Center at Wes Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/zawahiris-letter-to-zarqawi-original-language-2/> (дата обращения: 12.06.2021)

Atiyah's Letter to Zarqawi [Электронный ресурс] // Combating Terrorism Center at Wes Point. URL: <https://ctc.usma.edu/harmony-program/atiyahs-letter-to-zarqawi-original-language-2/> (дата обращения: 12.06.2021)

² Полонская Л.Р., Вафа А.Х. Восток: идеи и идеологи. М.: Наука. 1982. 257 с.

³ Медведко Л., Германович А. Именем Аллаха. - М.: Политиздат.1989. 256 с.

⁴ Ислам и исламизм: Сб. ст. / Рос. ин-т стратег. исслед. (РИСМИ); Под общ. ред.: Е.М. Кожокина, В.И. Максименко. М.: Рос. ин-т стратег. исслед., 1999. 238 с

⁵ Левин З.И. Общественная мысль на Востоке: Постколониальный период, Восточная литература, РАН, 1999 г. 196 с.; Левин З.И. Ислам и национализм (идейный аспект). М.: Наука, 1988. 221 с.; Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. ИВ РАН: Крафт+ 2005 г. 230 с.

⁶ Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М.: Ин-т Ближнего Востока, 2005 г. 286 с.; Сикоев Р.Р. Панисламизм: истоки и современность. Джамалудин Афгани и его религиозно-политические последователи XX начала XXI в. М.: Аспект Пресс. 2010. 287 с.; Добаев И.П. Исламский радикализм: генезис, эволюция, практика / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2002. 334 с.

Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М.: Институт востоковедения РАН, «Крафт+», 2001. 420 с.; Алиев А.А. Идеология «мусульманского национализма»: аналитический обзор. М.: РАН ИНИОН, 2008. 104 с.; Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / Жиль Кепель; пер. с фр. В.Ф.Денисова. М.: Ладомир, 2004. 468с.

Мирский Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2008. 163 с.; Эмануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения / Р.Я. Эмануилов, А.Э. Яшлавский. М.: Наука, 2010. 300 с.; Наумкин В. В. Изучение исламского радикализма на пост-советском пространстве концепции и подходы. // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности. М «Гуманитарий», 2004. 21 с.;

Juergensmeyer, M. (2017). Terror in the mind of god: The global rise of religious violence. University of California Press. ;Islamism, Salafism, and jihadism: A primer [Электронный ресурс] // The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/markaz/2016/07/15/islamism-salafism-and-jihadism-a-primer/> (дата обращения: 12.12.2021)

проблематика как общетеоретических вопросов политического ислама и исламизма, так и его конкретных региональных проявлений. Подробный анализ условий возникновения и развития региональных движений радикального исламизма представлен в ряде работ Б.В. Долгова⁷. Отдельный пласт работ посвящен условиям возникновения социо-политической турбулентности в регионе Ближнего Востока. Следи исследователей, разрабатывающих данную проблематику, особенно отметим М.А. Сапронову⁸.

Вторым корпусом теоретических исследований, представляющих важность для данной работы, являются многочисленные труды и публикации в области *memory studies*, приобретшие крайнюю популярность среди исследователей в начале XXI в. Для анализа исторического нарратива джихадистской пропаганды особую важность представляет работа Я. Ассмана и использующая предложенные этим исследователем концепции «горячей» и «холодной» модальности исторической памяти работа А. Васильева, анализирующей миф о закате польской государственности⁹. Образец качественного контент-анализа дискурсивного интернет-пространства северокавказского исламизма представляет исследование С.А. Рагозиной¹⁰.

⁷ Долгов Б.В. Кризис в Арабском мире и политический ислам. Азия и Африка сегодня, 2020 г., № 6. С.14-20; Долгов Б.В. Сирийский кризис и феномен «Исламского государства» // Арабский мир в потоке событий и времени. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 103-124; Долгов Б.В. Сирийское противостояние: внутренние и внешние факторы (2011–2021 гг.). ФГБУН Институт востоковедения РАН. Москва: ЛЕНАНД, 2021. 208 с.; Долгов Б.В. Сирийский кризис и феномен «исламского государства» // Арабский мир в потоке событий и времени. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 103-124; Долгов Б.В. Исламистские движения в сирийском и иракском конфликтах: геополитический аспект // Исламистские движения на политической карте современного мира. Выпуск 3. Афразийская зона нестабильности – М.: Институт Африки РАН, 2018. С. 121-129.

⁸ Сапронова М.А. Фундаменталистский и демократический «проект» в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран. Ближний Восток и современность: сб. науч. тр.; выпуск 50 / Институт Ближнего Востока. 2016. С.121-141; Сапронова М.А. Мусульманское представление о государственной власти: исторический аспект и современные концепции // Ислам в мировой политике в начале XXI века. МГИМО МИД РФ, 2016. С. 104-133. Сапронова М.А. Фундаменталистский и демократический «проект» в конституционном и электоральном процессе постреволюционных арабских стран / М.А.Сапронова // Ближний Восток и современность: сб. науч. тр.; выпуск 50 / Институт Ближнего Востока. — М., 2016. — С.121-141

⁹ Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности. Москва: Яз. слав. культуры, 2004. 363 с; Васильев А. Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти, 2012. С. 215-248.

¹⁰ Рагозина С.А. Дискурс политического ислама (на примере интернет-пространства Северо-Восточного Кавказа) / Предисл. А. Л. Рябинина, Г. В. Лукьянова. М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 144 с.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном изучении пропаганды радикального исламизма с привлечением методов исследований памяти и дискурс-анализа. На основе источников джихадистской пропаганды раскрываются специфика временных представлений организаций радикального исламизма и особенности построения исторического нарратива данных организаций. Выявлен потенциал развития джихадистских проектов «нового поколения» и специфика данного пути развития религиозного экстремизма по сравнению с предшествующими акторами радикального исламизма. Выявлена роль метафор в дискурсе радикального исламизма и легитимации джихадистских политико-религиозных идеалов.

Теоретико-методологические основы исследования. Сложность и многофакторность исследуемой проблематики требуют ее разностороннего рассмотрения с использованием комплексного подхода. С учетом того, что в центре рассмотрения настоящей диссертации находятся исторические нарративы, в ее основе лежит парадигма конструктивизма, позволяющая выявить особенности политического использования прошлого организациями радикального исламизма. Выбранная исследовательская оптика позволяет отследить основные точки сборки идентичности, конструируемой пропагандистскими изданиями радикального исламизма, а также выявить исторические представления, лежащие в основе транслируемой данными изданиями идеологии

Для изучения поставленных в диссертационной работе задач использовался весь комплекс общенаучных и общеисторических методов, основанных на принципах историзма, системности и объективности. Исходя из принципа объективности и научной достоверности, был проведен критический анализ фактологического материала. При изучении материалов пропаганды организаций радикального исламизма применялся метод сравнительного анализа, контент-анализа и дискурс-анализа. Среди исторических методов применялся историко-генетический подход, который

позволил проанализировать сложение радикального дискурса на Северном Кавказе; историко-сравнительный, применение которого позволило выявить отличительные черты пропаганды исследуемых организаций и историко-системный, направленный на анализ внутренних механизмов функционирования джихадистского дискурса.

В рамках данного исследования задействуется терминологический аппарат, предложенный О.Ю. Малиновой¹¹. В частности, используются предложенные исследователем дефиниции понятий «режим памяти», «исторический нарратив», «коллективная память», а также разработанная исследователем сравнительная методика анализа конкурирующих мнемонических акторов и нарративов. Ключевое для данной работы понятие нарратива определяется как сюжетно оформленное повествование, предлагающее связную картину цепи исторических событий¹². События-фрагменты исторического нарратива также могут быть развернуты в самостоятельные повествования о прошлом. Репертуар идей, образов, символов и мифов о прошлом, разделяемых группой, формируют коллективную память, в инфраструктуру которой включены тексты (основной объект нашего внимания), праздники, ритуалы, символы и названия социально значимых объектов. Символические объекты, формирующие основу коллективной памяти, обеспечивают общность воспоминаний для будущих поколений¹³.

Одним из ключевых понятий в российских исследованиях исторической памяти является режим памяти, который можно обозначить как процесс легитимации и делегитимации каких-либо исторических нарративов конкурирующими группами, а также доминирование и маргинализацию

¹¹ Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. С. 26-39

¹² Малинова О.Ю., Миллер А.И. Символическая политика и политика памяти // Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. С. 19

¹³ Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 32.

версий конкретных событий и исторических периодов¹⁴. Именно такую борьбу за строгие рамки интерпретации прошлого мы можем наблюдать, в частности, в пропагандистских материалах «Имарата Кавказ»: усилия исламистов направлены на оспаривание господствующего исторического нарратива о чеченских кампаниях, а также об исторических взаимоотношениях Российского государства и народов Кавказа.

Преимущественно текстовый характер исследуемых нами пропагандистских материалов радикального исламизма делает обоснованным применение методов политической лингвистики при анализе эксплуатируемых радикальной пропагандой метафорических моделей¹⁵. Метафора является одним из наиболее сильных средств воздействия на сознание аудитории и трансляции политических концепций. Она служит не только средством познания мира¹⁶, но и инструментом преобразования существующей в сознании адресата картины мира. При сопоставлении различных метафор, формирующих и дополняющих пропагандистские тексты, становится возможным выявление определенной метафорической модели, характерной для изучаемого дискурса. Сама же метафора воспринимается нами как основная ментальная операция, направленная на категоризацию и познание мира.

Для разграничения фигурирующих в работе понятий «ислам», «исламизм», «джихадизм», «салафизм» нами использована схема, предложенная А.В. Малашенко¹⁷. Так, под исламизмом (политическим исламом) в данном исследовании понимается общее определение для выражения политической составляющей ислама. В рамках исламизма возможна реализация концепций различной степени радикальности: от

¹⁴ Малинова О.Ю. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2021. С. 26-39

¹⁵ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А.П. Чудинов. - М.: Флинта, 2020. 256 с.

¹⁶ Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

¹⁷ Малашенко А.В. Ислам: век XXI. М.: Институт Ближнего Востока; Институт диалога цивилизаций, 2019. С 55.

стремления контролировать общество легальными путями (вхождение в круг политических элит путем выборов) до бескомпромиссного вооруженного противостояния государственным институтам. Общим стремлением исламистских движений является нацеленность на реформирование религии, под которым понимается перестройка общества по религиозным, кораническим предписаниям. Радикальным, экстремистским направлением исламизма является джихадизм, в основе которого лежит принцип индивидуального (фард аль-айн) долга каждого верующего вести вооруженный джихад во имя веры. Несмотря на то, что первоначальное значение слова «джихад» обозначает всякое усилие (прилежная учеба, созидательный труд во имя прославления веры), современный джихадизм фокусируется именно на религиозной вооруженной борьбе. Концепция вооруженного противостояния противникам религии также присутствует в исламском вероучении, однако такой джихад именуется «малым», в то время как усилия мусульманина по самосовершенствованию (учеба, прилежное исполнение религиозных обрядов) – «большим джихадом». Другим значимым термином является салафизм – религиозное течение, сторонники которого ориентированы на возвращение к истокам ислама, образу жизни первого исламского поколения (саляф салихун, «праведные предки»). Современный салафизм тесно связан с политической сферой общества, и в борьбе за возвращение к истокам веры (усуль ад-дин) не может оставаться в рамках исключительно духовной жизни.

Практическая значимость результатов проявляется в том, что они ориентированы на применение в ходе деятельности правоохранительных органов Российской Федерации, а также в процессе осмысления и выработки стратегии защиты от угроз радикального исламизма.

Выводы и рекомендации, приведенные в заключительной части исследования, могут быть использованы:

1. Для дальнейшего научного осмысления пропагандистских методик организаций радикального исламизма;

2. Для научной и преподавательской деятельности в ходе разработки учебных курсов и пособий как по современным деструктивным религиозным организациям, так и по проблематике мемориальной политики и использованию исторических нарративов в пропагандистской деятельности;

3. Для решения широкого круга экспертно-прикладных задач в сфере обеспечения безопасности Российской Федерации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Дискурс современного исламизма обладает многокомпонентной структурой, к наиболее важным элементам которой следует отнести метафорическую составляющую и активно эксплуатируемые исламистской пропагандой исторические нарративные конструкции. Так, в развитой структуре джихадистского исторического нарратива, присущей «Исламскому государству», следует выделить активную эксплуатацию образа «золотого века ислама», апелляцию к Аббасидскому халифату, обозначение 2014 г. как рубежной точки в истории исламской уммы (провозглашение «халифата» Абу Бакром аль Багдади). Исторический нарратив, присущий региональному измерению джихадизма (Имарат Кавказ) в большей мере сосредоточен на локальных исторических событиях, таких как покорение Кавказа в XIX веке, период реализации проекта независимого чеченского государства в конце XX в. Негативное отношение к сепаратистскому проекту «Ичкерии» тем не менее не препятствует включению последнего в связную историческую картину прошлого;

2. Дискурсу современного исламизма присущи особые представления об организации времени и пространства. В частности, пропаганда «Исламского государства» строится на противопоставлении профанного и сакрального пространства, а жизненный путь акторов пропаганды представлен как мистическое путешествие из профанного пространства (Дуньи) в сакральное (Ахират) посредством перемещения на подконтрольные боевикам «территории исламам» (Дар аль-Ислам). Крайне

важное место в организации пространственно-временной картины мира пропаганды занимает ряд географических точек: для пропаганды «Исламского государства» таковыми являются города Дабик и Константинополь. «Места памяти» северокавказского исламизма обладают меньшим сакральным значением, являясь скорее точками сборки идентичности, а не сакрально нагруженными символами. Пространство паломничества (сафара), в котором осуществляют свою деятельность члены «Таблиги Джамаат», также пронизано смыслами святости и очищения;

3. Конструирование пространственно-временной схемы дискурса радикального исламизма происходит посредством включения в повествование нарратива о прошлом мусульманской уммы. Так, в случае пропаганды северокавказского исламизма, современный конфликт в регионе оказывается опрокинут в прошлое и обозначается не только частью борьбы мусульман Кавказа против Российской империи, но и соотносится с идеей о падении великих империй прошлого (Рим, Византия). Исторический нарратив «Исламского государства» в значительной мере основан на представлениях о золотом веке исламской цивилизации и ранних временах ислама, в то время как длительный период Османского халифата не артикулируется;

4. Значимое место в предлагаемой «Исламским государством» временной схеме занимают мифосимволические элементы, обнаруживающие определенное сходство с проанализированными Э. Смитом этническими мифами. Так, довольно четко прослеживается выделенная исследователем апелляция ко временам «праведных предков»: в данном случае таковыми является период Праведного халифата (правление первых четырех халифов), а также халифата Аббасидов. Эпоха праведных предков (салафитов) сменяется длительным периодом упадка, который достигает своего пика уже в XX веке в виде договора Сайкса-Пико. В отличие от выделенной Э. Смитом идеи «восстановления золотого века» (данный концепт проявился в виде провозглашения Халифата в 2014 г.), конечной точкой усилий джихадистов

является эсхатологическая битва при Дабике: достижение данной цели неявно артикулировалось в средствах пропаганды «Исламского государства».

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и одобрена на заседании кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Теоретические положения, содержащиеся в диссертации, излагались автором на конференциях и форумах в Нижнем Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Калининграде, Красноярске, Бишкеке и отражены в 7 публикациях.

Структура работы определяется целью и задачами диссертационного исследования и состоит из введения, разделенных на тематические параграфы, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

II. Основное содержание работы

Первая глава, «Глобальный и региональный варианты радикального исламизма в конце XX – начале XXI вв.», содержит сравнительный стратегий некоторых акторов радикального исламизма: «Аль-Каиды», «Исламского государства», а также характеристику движения «Таблиги Джамаат» и регионального представителя радикального исламизма, «Имарата Кавказ».

Первый параграф «Исламское государство» как ведущий проект радикального исламизма» анализирует методологические и доктринальные установки МТО «Исламское государство» и предлагает сравнение стратегии данной организации с другим проектом радикального исламизма – «Аль-Каиды» с опорой в том числе и на эпистолярные источники руководителей двух организаций. Выбор объектов сравнения обусловлен историей «Исламского государства», которое на определенном этапе своего развития являлось региональным отделением «Аль-Каиды». В ходе анализа стратегии двух группировок делается вывод, что после поражения квазигосударственного проекта практически единственным перспективным

путем развития ИГ осталась основанная на медийной структуре пропагандистская работа и вербовка «одиночных волков», а также миграция в иной политически нестабильный регион. В ходе анализа внутренней переписки руководителей будущего «Исламского государства» и «Аль-Каиды» выделяются методологические различия радикального исламизма «старого» и «нового» поколений. В отличие от «Аль-Каиды», ставшей организацией зонтичного типа и объединяющей под своим крылом множество радикальных группировок (некоторые из которых сумели войти в поле легального политического процесса), «Исламское государство» заняло позицию непреклонного ригоризма и встало на путь построения собственных государственных институтов. Данный шаг обеспечил как весьма громкие, но кратковременные успехи организации, так и ее конечное военное поражение и переход в формат сети подпольных ячеек.

Второй параграф «Таблиги Джамаат: на пути духовного джихада» посвящен специфике и практикам организации «Таблиги Джамаат». Основанная шейхом Кандехлеви в начале XX в., данная организация представляет иное крыло исламизма, будучи нацелена на мистический поиск и духовное самосовершенствование своих сторонников. Тем не менее, конечные цели последователей Кандехлеви, носят столь же глобальный характер, что и усилия «Исламского государства».

Третий параграф «От Чеченской республики Ичкерия к Имарату Кавказ: региональный вариант радикального исламизма» посвящен процессу трансформации сепаратистского проекта самопровозглашенной ЧРИ в формат подпольной организации «Имарат Кавказ». В ходе анализа пропагандистских ресурсов организации демонстрируется эволюция радикализма на Северном Кавказе в сторону отказа от идеи строительства национального государства. Анализу подвергается и альтернативный проект политического разрешения конфликта в регионе, предложенный Х.-А. Нухаевым в конце XX в. Пропагандистские материалы «Имарата Кавказ» позволяют отследить восприятие совершенного в 2007 г. окончательного отказа от национального

проекта самими сторонниками организации. Несмотря на декларируемый разрыв с идеей построения независимого национального государства, основу пропаганды «Имарата Кавказ» составляла именно националистическая риторика. Полагаем, что данный факт, наряду с фактическим военным поражением и менее развитой медийной инфраструктурой, послужил причиной идеологического проигрыша глобальному проекту «Исламского государства».

Вторая глава «Исторический нарратив и категория пространства исламистской пропаганды» содержит анализ исторических конструкторов пропаганды радикального исламизма, а также категории пространства, оформляющей джихадистскую пропаганду.

Первый параграф «Условия формирования коллективной памяти северокавказского исламизма» посвящен анализу сложения пула временных и пространственных представлений исламистской пропаганды на Северном Кавказе. Сложение основных компонентов инфраструктуры коллективной памяти Северного Кавказа пришлось на позднесоветскую эпоху, когда национальная интеллигенция региона взялась за формирование/переосмысление ключевых событий национальной истории¹⁸. В ходе противостояния с центральной властью и задолго до образования «Имарата Кавказ» произошло оформление основных концепций джихадистского дискурса. Важнейшую роль в процессе дискурсивного оформления северокавказского исламизма сыграла фигура Зелимхана Яндарбиева – одного из основных идеологов северокавказского радикализма. Реализация сепаратистского проекта в изложении Яндарбиева приобретает отчетливо мессианский, всемирно-исторический характер – разрушение «последней империи» и освобождение «порабощенных» народов, которые в представлении З. Яндарбиева за годы нахождения в составе российского/советского государства подвергались непрерывной

¹⁸ Урушадзе А.Т. Память полураспада: Кавказская война в этнических коммеморациях и большом нарративе // Политика памяти в современной России и странах восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. СПб.: Изд. Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 250-269

идеологической обработке с целью вымывания национального компонента. Помимо текста Яндарбиева, работа содержит анализ и ряда поэтических текстов периода вооруженного противостояния. На примере текстов Т. Муцураева, Х. Бетелгиреева, И. Алимсултанова демонстрируются временные представления, свойственные радикальному дискурсу на Северном Кавказе в конце XX – нач. XXI вв.

Второй параграф «Темпоральный режим современного исламизма: национальное и глобальное измерение» фокусируется на образах прошлого в структуре коллективной идентичности, выстраиваемой пропагандой организаций радикального исламизма. В отличие от пропаганды региональных организаций (таких, как «Имарат Кавказ», или «Талибан»), ориентированное на глобальную экспансию «Исламское государство» вынуждено конструировать особый, дискретный нарратив. Данная особенность исторических представлений определяется прежде всего различным социокультурным базисом сторонников ИГ, их разбросанностью по разным регионам планеты и отсутствием общего исторического опыта. Историческое повествование, предлагаемое пропагандой ИГ, оказывается объединённым лишь некоторыми сюжетами – историей о минувшем золотом веке исламской цивилизации, мифа о многовековой агрессии против мусульман, мессианскими пророчествами. Героика прошлых эпох в пропаганде ИГ воплощена в фигурах раннеисламского периода, которые, как мы полагаем, в той или иной степени знакомы всем мусульманам, вне зависимости от их культурно-географической принадлежности. В то же время пропаганда северокавказского исламизма изучаемого периода сосредоточена не на временах зарождения ислама, а на более близком «героическом периоде» – вооруженном противостоянии с российском государством конца XX в. Исходя из выбора сюжетов радикальной пропагандой на Северном Кавказе справедливым представляется утверждение, что «Имарат Кавказ», несмотря на декларируемый разрыв с «ичкерийской традицией государственности», все же не сумел в полной мере отойти от своего национального базиса. Общим

местом для радикальной пропаганды является представление о жертвенной роли мусульман. Данное представление проявляется в продвигаемой «Исламским государством» мифологеме о проходящем сквозь всю историю глобальном заговоре против мусульман, а также в предлагаемых З. Яндарбиевым исторических параллелях – сравнениях событий в Чечне со Вьетнамской войной и карательными действиями немецких войск на территории Чехии и Франции.

Третий параграф «Категория пространства в пропаганде радикального исламизма» анализирует пространственные представления, присущие пропаганде радикальных исламистских организаций. Отраженные в материалах пропаганды пространственные представления «Исламского государства» строятся на дихотомии «дар аль-ислам – дар аль-харб» (территория ислама – территория войны) и эсхатологическом пророчестве о битве при городе Дабик (северо-запад Сирии). Дар аль-харб, оппозиция упорядоченному пространству ислама, позиционируется как территория хаоса и невежества (джахилийя, доисламское состояние заблуждения). Обозначение неконтролируемых «Исламским государством» территорий как джахилийи позволяет пропагандистам ИГ обосновать миссионерскую миссию насаждения веры и ведение запрещенной в исламе войны против «людей писания» (ахль аль-китаб, сторонников монотеистических учений).

Несмотря на декларацию разрыва с предшествующим проектом построения национального государства (т.н. «Ичкерии»), пространственные представления пропаганды «Имарата Кавказ» сосредоточены на местах памяти Чеченских войн: безусловным доминированием обладает образ города Грозный, который стал символом ожесточенного противостояния.

Общей характеристикой пространственного измерения является присущее всем исследуемым организациям особое восприятие концепции пути и путешествия (ар. «сафар»). Образ путешествия встречается уже в одном из первых текстов современного радикального исламизма – манифесте «Присоединяйтесь к каравану!» авторства Абдуллы Аззама, обосновывающем

лежащую на всех мусульманах мира обязанность сражаться в Афганистане. Тематика пути и связанных с ней ассоциаций (каравана как одного из наиболее популярных сюжетов) неизменно присутствует в исламистском дискурсе, а сама деятельность таблигов немислима без постоянных путешествий-сафаров. Вне зависимости от степени радикализации и видения джихада, каждая изучаемая нами организация радикального исламизма выстраивала пространства венаходимости, призывая своих последователей к физическому перемещению на «земли Халифата», уходу в леса и горы Северного Кавказа, или же подталкивая к своеобразной «внутренней эмиграции» – миссионерским поездкам сторонников «Таблиги Джамаат». Решая схожие в своей основе задачи идейного противостояния государственным институтам, каждый из трех различных изучаемых акторов радикального исламизма задействовал схожий инструментарий.

Третья глава «Практики легитимации современного исламизма» посвящена анализу метафорических моделей, с помощью которых радикальный исламизм стремится к оправданию своих действий в глазах внешней аудитории. Кроме того, используемые пропагандистскими текстами метафорические модели в имплицитной форме демонстрируют временные представления сторонников радикального исламизма. Данный раздел работы задействует методы политической лингвистики, в частности – исследование метафорических моделей.

Первый параграф «Риторические приемы радикального исламизма» содержит анализ практик легитимации, присущих пропаганде «Исламского государства». В попытках придать законный характер провозглашению Халифата пропаганда ИГ апеллировала сразу к нескольким уровням легитимации, обращаясь к аргументам религиозного, светского и нравственно-морального характера. Аргументы условно можно разбить на четыре группы:

1. Базирование на мусульманском праве (фикх);

2. «Халифат по пророческой методологии»: легитимация на основе коранических текстов и хадисов;
3. Апелляция к моральному праву установления Халифата;
4. Позиционирование Халифата как традиционного суверенного государства с его атрибутами.

В основе религиозного характера легитимности Халифата лежат идеи Абдул-Ала Маудуди, согласно которым легитимность исламского государства как такового исходит единственно лишь из божественного источника. Стратегия успеха «Исламского государства» времен расцвета организации во многом базировалась на соединении средневековой ментальности времён зарождения ислама и вполне современного медиа-инструментария. Маневренность руководства ИГ демонстрируется и в различных уровнях аргументации, к которым прибегают исламисты в попытках легитимации своего «государства». При работе со внешней, во многом немусульманской средой, пропагандистами ИГ был сделан выбор в пользу трансляции атрибутов традиционного государства: освещение деятельности административных структур ИГ, демонстрация собственной экономической системы, обильное насыщение пропагандистских материалов политико-религиозной символикой. В ряде случаев на страницах пропаганды ИГ презентовало себя как вполне привычное нам государство: так, пропагандистские издания упоминали об объявлении войны «тагутским странам», освещали активность анклавов ИГ вне основного региона активности, информировали о деятельности муниципальных служб на контролируемых территориях. Универсальным аргументом в стремлении приобрести симпатии аудитории является апелляция к установлению социальной справедливости. На страницах пропагандистских изданий террористическое образование стремилось создать образ гаранта защиты и безопасности миллионов людей, места прибежища для притесняемых мусульман со всего мира.

Магистральной линией пропаганды изучаемого периода является непрерывное обращение к архаике, возвращение ко временам зарождения ислама. События VIII-X вв. оформляют все символическое пространство пропаганды: в представлении исламистов Фитна после смерти Пророка имеет такое же значение, как и события недавнего прошлого. Отметим, что именно в русскоязычной пропаганде и агитации очень ярко проявляется тяга к архаизации: размещаемая на русскоязычных ресурсах визуальная пропаганда в значительно большей степени использовала архаичные символы и образы, нежели «официальная» продукция медиаструктур Исламского государства.

Второй параграф «Метафоры в дискурсе радикального исламизма» фокусируется на анализе военных сюжетов пропаганды радикального исламизма и сравнении «официального» дискурса пропаганды ИГ (выраженного в материалах исследуемых нами изданий) и не аффилированной с медиаструктурами ИГ русскоязычной пропаганды. «Неофициальный» русскоязычный исламистский дискурс тяготеет к намеренной архаизации, в то время как усилия средств пропаганды, подчиненных непосредственно «Исламскому государству», направлены на создание имиджа современной военной машины. Кроме того, «неофициальная» картина мира в значительной степени пессимистична, в то время как транслируемая средствами масс-медиа «ИГ» пропаганда полна триумфальных ожиданий и победоносного продолжения джихада. Одним из важнейших сюжетов, присутствующих (а подчас и главенствующих) на всех уровнях информационного поля радикального исламизма, является военный сюжет. Образ самоотверженного воина-сподвижника Пророка является нравственным ориентиром для многих поколений мусульман, а сама история становления и укрепления ислама неотрывно связана с периодом арабских завоеваний. Военные образы прослеживаются даже в коммуникации сторонников квинтэстских, мистических течений ислама: так, во внутренней коммуникации членов «Таблиги Джамаат» обнаружено уподобление мусульманской Уммы разобранному автомату Калашникова. Военный

сюжет вполне естественно занимает центральное место в пропаганде самих экстремистских группировок и в освещении их деятельности со стороны государственных СМИ. Периодические издания «Исламского государства» стремятся к созданию образа современной военной машины с присущими ей атрибутами (различные рода войск, современное вооружение). Формирование такого образа достигается с помощью соответствующего визуального ряда: обильной демонстрации «государственной» символики (флага организации), кадров триумфального вступления джихадистов в города и встреч с ликующим местным населением. В отличие от неафилированных с ИГ источников, «официальная» пропаганда в большей мере использует фотокадры, нежели рисованные изображения, не испытывая нехватки в «живых» материалах. Важной составляющей пропаганды медиаструктур ИГ является техническая вооруженность организации. Так, пропагандистские издания транслируют картину находящегося в руках террористов полноценного парка военной техники, не исключая и трофейную авиацию. Уже привычный образ «джихад-мобиля» и пикапов с размещенным в кузове вооружением дополняют изображения тяжелой военной техники с размещенной на ней символикой «Исламского государства». В то же время «стихийная» пропаганда тяготеет к гораздо большей степени архаизации своих материалов, что проявляется в эксплуатации образа средневекового комплекса вооружения: мечи, копья, луки и стрелы в количественном отношении составляют достойную конкуренцию современному комплексу вооружения. В представлении «стихийной» пропаганды сторонник Халифата – не хорошо вооруженный и подготовленный боец организованной армии, а скорее одиночка, противостоящий в разы лучше вооруженному противнику.

Также особо стоит отметить способность пропаганды радикального исламизма к переосмыслению и новому прочтению привычных аудитории культурных символов. Наиболее ярко эту тенденцию иллюстрирует обработанное широко известное изображение водружения флага на Иводзиме с наложенным на него пропагандистским текстом. В качестве материалов для

переосмысления также встречаются фотографии парада на Красной площади, Георгиевской ленточки, переделанной в стилистике символики Исламского государства. Именно способность переосмысления чуждой символики отличает «неофициальное» измерение джихадистской пропаганды. Джихадисты русскоязычного пространства умело используют знаковые, легко считываемые культурные символы. Использование в «стихийной» пропаганде широко известных образов способно компенсировать относительно низкое качество материалов «неофициальной» пропаганды.

Заключение содержит основные выводы проведенного исследования. Одной из точек сбора идентичности радикального исламизма является травматический нарратив. Для пропаганды ИГ важнейшим травматическим событием является вхождение Ближнего Востока в сферу влияния великих держав в начале XX в. и соглашение Сайкса-Пико 1915 г. Травматическое значение придано сюжету о многовековом заговоре против исламской уммы: пропагандисты джихадистов стремятся выстроить образ гонимого на протяжении столетий мусульманского большинства. Для пропаганды радикального исламизма на Северном Кавказе в ряду травматически событий следует упомянуть депортацию чеченцев и ингушей 1944 г., Кавказскую войну 1817-1864 гг. На основе данных травматических событий пропагандой северокавказского исламизма был выстроен нарратив о многовековой освободительной войне против российского империализма.

Как для регионального, так и глобального вариантов религиозного радикализма исторические нарративные конструкции являются важнейшей частью пропаганды. Важным элементом пропаганды «Исламского государства», особенно в период активной экспансии, являлась опора на исторический нарратив о прошедшем расцвете исламской цивилизации, ее упадке в результате глобального заговора врагов ислама и грядущем возрождении. Пространственная разбросанность сторонников исламизма, различные социокультурные установки и чуждость арабской истории для значительной части аудитории вынудили джихадистскую пропаганду

глобального, экспансионистского направления эксплуатировать дискретный, фрагментарный нарратив, включающий в себя самое общее описание важнейших событий исламской истории. Значимое место в общем повествовании занял сюжет глобального многовекового заговора, который характерен не только для «официальной» пропаганды Исламского государства, но и для мистических представителей исламизма, таких как движение таблигов. Многовековыми происками врагов ислама акторы пропаганды объясняли длительный период колониального подчинения Западу, социо-экономических неудач независимых арабских правительств, а также современное состояние арабских государств. Отметим, что сюжет заговора представляется универсальным для исламистского дискурса, присутствуя и в пропаганде северокавказского джихадизма.

Важным компонентом пропаганды радикального исламизма является метафорическая составляющая. Так, в пропаганде «Исламского государства» умело эксплуатируются метафорические конструкции для создания образа сильного государства, обладающего мощными вооруженными силами. Русскоязычные пропагандистские издания ИГ активно задействуют легко считываемые на постсоветском пространстве культурные символы. Богатство смыслов, способность использовать сложные метафорические конструкции характерна и для пропаганды северокавказского исламизма в период вооруженного противостояния в Чечне. В отличие от предшествующего этапа северокавказского исламизма (период т.н. «Ичкерии»), исламистская пропаганда «Имарата Кавказ» не обнаружила похожих способностей. Построение метафор современного джихадизма во многом основано на эксплуатации архаических образов, которые отсылают аудиторию ко временам становления ислама. При этом метафорические модели (особенно из военной сферы) значительно разнятся в зависимости от источника эксплуатации – так, источники русскоязычной джихадистской пропаганды тяготеют к более архаическим моделям, в целом сохраняя более пессимистический настрой, в то время как эксплуатируемые

пропагандистским аппаратом «Исламского государства» метафорические модели наоборот направлены на создание образа победоносной военной машины и выстраивания картины современного «праведного» государства мусульман. «Официальное» измерение пропаганды радикального исламизма стремится к утверждению триумфальной картины полноценного государства, соединяющего архаические основания легитимации и устремления к глобальному господству.

Предлагаемая медиааппаратом «Исламского государства» темпоральная схема в период стадии активного государственного строительства включала в качестве наиболее значимых временных маркеров эпоху Праведного халифата (идеализированный «золотой век»), времена фитны (распада единой мусульманской империи и начала длительного упадка) и соглашение Сайкса-Пико как символ порабощения исламского мира Западом. Пропаганда «Исламского государства» в исследуемый период, фокусируясь на провозглашении Халифата в 2014 г., обозначала последнее событие как рубежное для исламской уммы, возвращение ко временам героических предков и расцвету единого исламского государства.

В основу исторического нарратива радикального исламизма на Северном Кавказе легли события времен активных боевых действий в Чечне. Особое внимание стоит обратить на тот факт, что события периода, непосредственно предшествующего началу боевых действий, отсутствуют в историческом нарративе «Имарата Кавказ». Полагаем, что это следствие разрыва данной группировки с предшествующим периодом строительства национального государства, который окончательно оформился провозглашением «Имарата» в 2007 г. Дискурс сепаратизма и радикального исламизма, сложившийся в регионе в конце XX в., во многом несет черты предшествующей эпохи: так, заявление З. Яндарбиева («Чечения – битва за свободу») фактически выдержано в духе советских политических текстов. Поэтические тексты северокавказских бардов содержат разнообразные

исторические аллегории (Карафаген – Чечня) и отсылки к достаточно сложным историко-политическим концепциям (Москва – Третий Рим).

Помимо анализа временного компонента, достаточно большое внимание в данной работе было уделено характеристикам пространственного измерения в пропаганде радикального исламизма в рассматриваемый период. По естественным причинам в период активной территориальной экспансии «Исламского государства» концепт мухаджирства (переселения) занял крайне важное место в джихадистской пропаганде. Присущая дискурсу радикального исламизма идея совершения хиджры проявляется как на уровне пропаганды физического перемещения на подконтрольные боевикам территории, так и совершения одновременно реальных и духовных странствий (частным примером последней идеи является практика сафара, присущая последователям Таблиги Джамаат). До определенного момента совершение хиджры представлялось пропагандистскими материалами как высший личный долг (фард аль-айн) каждого мусульманина. Однако по мере сокращения подконтрольных «Исламскому государству» территорий идея перемещения в регион боевых действий (Левант) уступила место призыву к совершению индивидуального джихада в родных регионах сторонников исламистов.

Сами территории «Халифата» представлялись авторам пропаганды как находящиеся в четкой оппозиции территориям джахилии (невежества) по ряду параметров. В первую очередь, пространство джахилии в пропагандистских материалах характеризуется отсутствием социальной справедливости в ее исламистском понимании и нравственными контрастами между «землей невежества» и «дар аль-ислам». Необходимо отметить отсутствие категории джахилии в пропаганде северокавказского джихадизма, а также в риторике членов «Таблиги Джамаат». Полагаем, что данный факт объясняется локальным характером «Имарата Кавказ», не сумевшего выйти на стратегический простор и во многом редуцировавшего до виртуального регионального подпольного движения. В описываемый в работе период для пропаганды северокавказского исламизма был более характерен

концепт цивилизационного противостояния, суть которого состоит в многовековом противоборстве «имперской» России и кавказских народов. Стоит отметить, что если светский проект дудаевской т.н. «Ичкерии» (а также концепция Х.-А. Нухаева) на определенном этапе своей реализации теоретически подразумевал общность интересов с населением России в борьбе против «империализма» и глобализма, то пропаганда «Имарата Кавказ» окончательно перешла на позиции явной русофобии.

Сторонники «Таблиги Джамаат», хотя и действуют фактически в пространстве джахилийи, не используют данный термин в повседневном общении. Противопоставление пространства сафара и повседневной жизни скорее соответствует дихотомии «священное-мирское», а не паре «джахилийя» – «дар аль ислам». Кроме того, к моменту 2020 г. специфика движения проявлялась в отсутствии стремления к массовой политической мобилизации своих сторонников и полноценной территориальной экспансии: вместо массивной пропаганды объединения всех мусульман под единым знаменем, российские ячейки таблигов предпочитали вести агитационно-разъяснительную работу (а в некоторых случаях и прозелетистскую), выстраивая устойчивые и относительно небольшие локальные сообщества.

В ходе анализа временных и пространственных представлений радикального исламизма следует особо выделить географические точки сборки идентичности. Конструируемая в период 2014-2020 гг. пропагандой «Исламского государства» категория пространства оказывается насыщена историческими элементами. В качестве локаций, наиболее важных для пропаганды «Исламского государства», стоит отметить две сакральные точки – города Дабик и Рим. Создание единой темпорально-географической картины обеспечило особое восприятие данных компонентов как связующего звена между прошлым (Рим как символ христианского социума, противника ислама) и будущим (город Дабик как ключевой компонент апокалиптического пророчества о решающей битве между войском «римлян» и мусульман).

Нами обозначена сакральная географическая составляющая и для северокавказского исламизма. Своеобразным «местом памяти» северокавказского исламистского дискурса стал город Грозный, концентрирующий в себе память о событиях Первой чеченской войны и предшествующих событиях обретения фактической независимости. Акцентирование внимания ресурсами «Имарата Кавказ» на событиях именно Первой чеченской войны вполне объяснимо – период после 1996 г. отмечен постепенной деградацией сепаратистско-исламистского проекта на Северном Кавказе, а относительный успех боевиков в ходе боев за столицу Чечни представляет собой удобный сюжет мифотворчества (итоговое вытеснение боевиков «Ичкерии» из города в ходе боев 1994-1995 г., как правило, игнорируется джихадистской пропагандой).

Общая ситуация, в которой находятся два варианта (экспансионистский и региональный) радикального исламизма к моменту верхней границы исследования, обозначенная в данном исследовании, выглядит следующим образом. К моменту 2020 г. нацеленный на экспансию проект «Исламского государства» потерпел поражение в качестве квазигосударственной структуры, не выдержав военного противостояния с рядом региональных государств, силами антиигиловской коалиции и иными джихадистскими группировками. Немаловажную роль в поражении «Халифата» сыграли активные действия России и Исламской республики Иран. Однако, с потерей последних контролируемых территорий на восточном берегу Евфрата (н.п. Багуз-Фукани), «Исламское государство» не прекратило свое существование, а лишь перешло в новый формат подпольной группировки. Кризисный период отражен в материалах исследованного нами журнала «Hidayat»: несмотря на то, что данное издание позиционировало себя как официальный информационно-аналитический орган «Исламского государства», к этому моменту нами зафиксировано резкое падение качества русскоязычной пропаганды, уровня технического оформления материалов и общее упрощение идейной составляющей джихадистской пропаганды.

Региональный вариант радикального исламизма, представленный в нашей работе группировкой «Имарат Кавказ», с момента провозглашения группировки существовал в формате подпольной организации. Проникновение на территорию России идей «Исламского государства» обернулось очередным кризисом в истории группировки: в 2015 г. под знамя более успешного и активного исламистского проекта ИГ встала значимая часть полевых командиров «Имарата». Весной того же года была уничтожена большая часть оставшихся лидеров группировки, однако информационная активность организации продолжилась. Считаем допустимым утверждать о деятельности данной группировки исключительно в формате информационно-пропагандистской работы. Впрочем, и данная форма существования организации до сих пор представляет угрозу безопасности Российской Федерации, проводя в жизнь политику «индивидуального джихада». Противодействие данной угрозе возможно не столько инструментами силового воздействия, сколько тщательным изучением дискурса радикального исламизма и выработки соответствующих инструментов информационного противоборства.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Работы, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

1. Сулейменов А.Р. Символическое поле современного исламизма /А.Р. Сулейменов // Конфликтология / nota bene. 2020. № 2. С. 57-73.
2. Сулейменов А.Р., Рыжов И.В. Политический язык современного исламизма: практики легитимации МТО «Исламское государство» (запрещенная в России террористическая организация) /А.Р. Сулейменов, И.В. Рыжов // Конфликтология / nota bene. 2021. № 3. С. 1-17.
3. Сулейменов А.Р., Рыжов И.В. Пространственно-временные характеристики в пропаганде радикальных исламистов /А.Р. Сулейменов, И.В.

РЫЖОВ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 51-60.

4. Сулейменов А.Р. Проекты глобального радикального исламизма: SWOT-анализ стратегий Аль-Каиды и «Исламского Государства» /А.Р. Сулейменов // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 4. С. 119-129.

Работы, опубликованные в других изданиях:

5. Сулейменов А.Р. Репрезентация социальной деятельности «Исламского государства» на подконтрольных территориях в 2016 году в материалах электронного издания «Исламского государства» "Rumiyah" /А.Р. Сулейменов// Динамика социальной среды как фактор развития потребности в новых профессионалах в сфере социальной работы и организации работы с молодежью. Материалы международной научно-практической конференции. Под общей редакцией З.Х. Саралиевой. Нижний Новгород: Изд-во ООО «Научно-исследовательский социологический центр», 2019. С. 546-550.

6. Сулейменов А.Р. «Джихадистский интернационал» в агитации радикальных организаций /А.Р. Сулейменов // Исторические типы человеческих сообществ. Материалы I Всероссийской студенческой научной конференции. Под редакцией И.И. Шарифжанова, В.Е. Туманина, Л.К. Каримовой, О.В. Бодрова. Казань: Издательство Общество с ограниченной ответственностью «Груммант», 2020. С. 181-185.

7. Сулейменов, А.Р. Темпоральная схема современного джихадизма /А.Р. Сулейменов// Концепт: философия, религия, культура. 2022. № 6. С. 36-49. (0,35 усл. п.л.).